

Мартынов А.В.
СОЗДАНИЕ ВЛАСОВСКОЙ АРМИИ: ПЛАНЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВС КОНР

Объясняя причины поражения, большинство власовских мемуаристов создают устойчивую мифологию о «предательстве» их интересов нацистским руководством, «каиновой работе» по отношению к освободительному движению [3, с. 198].

Данная версия связана в первую очередь с именем генерал-лейтенанта Андрея Власова. Заместитель начальника штаба ВС КОНР полковник Андрей Нерянин (после войны Алдан) вспоминал, что вскоре после обнародования Пражского манифеста, названного им «периодом наиболее радужных надежд» Власов говорил: «Через 6–7 месяцев, то есть к маю – июню 1945 года, мы будем иметь минимум 10 линейных дивизий, несколько запасных бригад или полков, офицерское училище, вспомогательные части... Кроме того, в ближайшее время из немецких частей будут изъяты все русские роты, батальоны и отряды... У нас будут свои авиационные части и танковые войска» [1, с. 7–8]. О 10 дивизиях, танковых и авиационных частях меньшей численности писал и подполковник Вячеслав Артемьев, указывавший, что «к 1 февраля 1945 года предполагалось закончить формирование трех пехотных дивизий» [2, с. 26, 27]. В отличие от Алдана и Артемьева, историк Рольф-Дитер Мюллер считал, что 10 дивизий Власов предполагал сформировать в течение года [12, с. 254]. В тоже время, по мнению капитана власовской армии Михаила Шатова, «запланировано было формирование 30 дивизий РОА, а также нужного количества воздушных сил... и всего, что необходимо для оснащения миллионной Русской освободительной армии» [19, с. 4]. Слова Шатова подтверждает замначальника радиоотдела главного управления пропаганды КОНР Лев Дудин. Он в числе прочего вспоминал, как «Власов неоднократно говорил, что ему нужно лишь, чтобы Германия продержалась примерно на тех линиях фронта, которые были в октябре – ноябре 1944 года, до весны

1945 года, так как он рассчитывал к этому времени создать армию до 30 – 40 дивизий и перейти в наступление на Восточном фронте уже собственными силами» [7, с. 44]. Правда, позднее на встрече с главкомом люфтваффе, «наци номер два» Германом Герингом, состоявшейся 2 февраля 1945 года, согласно отчету оберфюрера СС Эрхарда Крегера, Власов заявил, что «наличного офицерского и солдатского состава хватит на 5 дивизий», оговорившись, что необходимо предварительное обучение офицеров [20]. Данное заявление не совсем понятно, если учесть, что на встрече с Йозефом Гиммлером говорилось о первоначальном создании лишь двух дивизий. Рейхсфюрер, в частности, сказал: «было бы крайне некорректно с моей стороны обещать вам сегодня больше и затем сокращать свои обязательства» [10, с. 186–187]. Названное количество было обусловлено предварительными консультациями Гиммлера с военным руководством. Так, в частности, в середине сентября его представители разговаривали с командующим восточными добровольческими войсками вермахта (Osttruppen) генералом от кавалерии Эрнстом Кестрингом о возможностях вермахта снабдить формирующиеся дивизии (первоначально речь шла по 5–7) вооружением. Кестринг в свою очередь консультировался с начальником штаба сухопутных войск генерал-полковником Гейнцем Гудерианом. Последний был согласен: «чем больше дивизий вы выставите, тем лучше» [22]. Данные переговоры опровергают миф будто бы на этом этапе руководство СС выступало против развертывания власовской армии. Парадоксально, но возражали некоторые высшие чины вермахта. Кестринг вспоминал, что единственный, кто выразил недовольство по поводу развертывания РОА, был начальник оперативного отдела ОКВ генерал-полковник Альфред Йодль, по мнению которого, это означало «самим готовить собственных палачей» [22]. Ко времени встречи Власова и Гиммлера ситуация со снабжением изменилась в худшую сторону, что привело к уменьшению числа дивизий. Впрочем, среди рядового состава власовской армии ходили разговоры, что для достижения «сильного морального впечатления на красноармейцев» было бы достаточно «крепкой боевой единицы из трех дивизий» [5, с. 97].

Сокращение числа дивизий вызвало непонимание со стороны коллаборантов, что привело к дальнейшему моделированию мифа о «предательстве» власовцев Германией. Духовник при штабе ВС КОНР протопресвитер Александр Киселев считал, что отказ рейха от формирования крупных соединений русских во время войны был непоправимой ошибкой. «Немцы не способны были одуматься... казалось, что им легче умереть, чем сдвинуться с проторенной дорожки. Гибкости для внутренней перестройки, быстрой ориентировки в ситуации развивающихся событий у них не оказалось». Он обращал внимание на то, что между разговором Гиммлера и Власова, в ходе которого было принято решение о формировании РОА (16 сентября 1944 года), и официальным объявлением генерала главнокомандующим (28 января 1945 года) прошло больше четырех месяцев [10, с. 143]. В свою очередь начальник главного управления пропаганды КОНР генерал-лейтенант Георгий Жиленков характеризовал политику германского правительства, как деятельность «клуба самоубийц» [19, с. 146].⁴

Его коллега, редактор газеты «Воля народа», Александр Казанцев видел в требовании ОКВ послать наличные части власовской армии на фронт, а не держать их в резерве до появления новых дивизий, «удар в спину и Освободительной армии и движению в целом». «Политически это было убийством... выступая против советских частей, они (власовцы – А.М.) должны были выступать как защитники Берлина... Со стороны немцев это было открытой провокацией, – дискредитировать части Движения как прямых пособников Гитлера» [9, с. 306].⁵ В принципе тоже признавал и начальник личной канцелярии Власова полковник Константин Кромиади, писавший, что «каждому было ясно, что пойти на фронт, это значит отказаться от своей прямой миссии» [11, с. 228].

По сути, некий итог обвинениям в адрес рейха со стороны отечественной коллаборации дал Вячеслав Артемьев: «нацистское правительство, официально объявляя о создании Освободительной армии и заключая соглашение об этом с генералом Власовым, не собиралось выполнять обязательства, которые брало на себя, якобы в интересах народов России» [2, с. 30]. В по-

⁴ Ср. со словами полковника Клауса Шенка фон Штауффенберга о своих коллегах-заговорщиках: «Общество борьбы против опасного для жизни идиотства» [17, с. 41].

⁵ Интересно, что Казанцев, обвиняя немцев, использовал язык национал-социалистической пропаганды. «Удар в спину» (Dolchstoßlegende) мифологема, согласно которой, поражение Германии в годы I Мировой войны было обусловлено предательскими действиями части населения (евреи, социал-демократы).

следующем подполковник писал о власовской армии, как о силе, «которой не существовало и которую нацистское правительство и не намеревалось создавать» [2, с. 37].

Помимо вполне логичного нежелания приносить в жертву собственные национальные интересы ради решения посторонних проблем в данном вопросе следует учитывать естественный скепсис германского командования, касающийся боеспособности коллаборантов, который сохранялся на протяжении всей войны. Кроме того, к концу боевых действий возник ряд объективных трудностей, связанных с ограниченностью ресурсов самой Германии о чем, в частности, писали западные историки Джордж Фишер и Йоахим Хоффманн [21, с. 78; 18, с. 136]. Разрушенные заводы по производству вооружений, дефицит топлива не давали возможность снабжать и комплектовать собственные дивизии, не говоря об оставшихся формированиях союзников, отсюда и «черепашья тактика», «черепаший темп», столь возмущавший коллаборантов [3, с. 197]. Генерального штаба генерал-майор, участник Гражданской войны, один из создателей и руководителей Главного управления казачьих войск в Германии Вячеслав Науменко (перешедший в дальнейшем в ВС КОНР) вспоминал о встрече главы ГУКВ генерала от кавалерии Петра Краснова и Эрнста Кестринга. В ответ на слова атамана «о том, что мы можем собрать более ста тысяч казаков... он с грустью сказал: “а чем мы их вооружим?”» [13, с. 340]. По мнению офицера-эмигранта («дроздовца»), служившего в одном из коллаборационистских формирований 9-й армии, Николая Старицкого, в данном вопросе сыграла роль «неосведомленность Власова, его надежды на возможность для немцев оснащения и вооружения большой армии РОА в конце 1944 года, когда даже сгоревшие в боевом огне немецкие дивизии не могли быть восстановлены из-за недостатка материальных средств» [16, с. 7].

В принципе об этом говорили и Власов, и Трухин, хотя, похоже, генералы не понимали всего масштаба проблем. Алдан вспоминал, как они признавали, что «конечно, надо понимать, что немцам трудно будет дать нам материальную часть для авиационных и танковых частей. Имеются также трудности в обеспечении наших частей автомобильным транспортом» [1, с. 8]. Впрочем, Власов позднее осознал невозможность формирования сколько-нибудь значимого числа частей в сложившихся условиях. 2 марта 1945 года во время визита в ставку главкома ВВС КОНР генерал-майора Виктора Мальцева заявил: «О десяти дивизиях и мечтать не приходится: время не позволяет. Если к концу апреля сформируем и вооружим три дивизии, то Богу слава!» [15, с. 61–62].

Важно учитывать и нежелание власовцев считаться с возникшими проблемами. Генерал-майор Сергей Буняченко не хотел приравнивания своей дивизии к фольксгренадерским («облегченный» вариант обычной дивизии вермахта конца войны), формирование и снабжение которых было более менее отлаженным, а требовал полноценного комплектования [18, с. 47].

Интересно, что не все власовцы разделяли подобную мифологию. Часть из них считала, что в сложившихся условиях «самым интенсивным темпом шло снабжение дивизии всем предусмотренным штатом оружием, имуществом и конским составом». Правда, поставки автомобильного транспорта, как и предполагало руководство ВС КОНР, были очень ограничены [14, с. 9].

Важно и то, что германское командование в случае наличия возможностей на местах, увеличивало численность коллаборационистских формирований. Так, добровольческий особый полк СС «Варяг» (Freiwilligen SS-Sonderregiment «Warager») в течение второй половины 1944 года был развернут из батальона в полк трехбатальонного состава, а число военнослужащих выросло с 1 500 до 2 500 человек [8, с. 216–217]. Полк, дислоцированный в Словении (Любляна) получал пополнение из лагерей военнопленных, расположенных в Германии и из числа завербованных сотрудниками полка остарбайтеров, работавших в Австрии [4, с. 77]. В принципе, подобное происходило с дивизиями РОА. Для их формирования немцы передавали, когда появлялась возможность, отдельные батальоны коллаборантов или их остатки. Так, с Восточного и Западного фронтов были переброшены 308, 439, 601, 603, 605, 618, 628, 630, 653, 654, 663, 665, 666, 669, 675, 681, 752, и часть 553 батальонов, вошедших в состав 1-й дивизии РОА. А 427, 600, 621 батальоны и часть 553-го были включены во 2-ю дивизию [6, с. 527–541]. Также, удалось полностью укомплектовать имеющийся штат ВВС КОНР всем необходимым вооружением, несмотря на то, что многие немецкие части испытывали серьезные недостатки в снабжении [15, с. 54].

Парадоксально, что иногда сами власовцы отказывались от подобных пополнений. Кримиади вспоминал, что на предложение обергруппенфюрера СС Готтлоба Бергера, организовать сборный пункт для русских солдат и офицеров из разбитых немецких частей, с целью их вклю-

чения в состав ВС КОНР, Власов ответил отказом. «Приехав в Берлин, Власов сказал, что этим русским солдатам и офицерам здесь делать нечего и пусть пробиваются дальше» [11, с. 204].

Также вполне естественным выглядит и стремление ОКВ использовать немногочисленные резервы, в том числе и состоящие из коллаборантов. В частности, «французская» 33-я дивизия СС «Шарлемань» обороняла Берлин. В данном контексте совершенно фантастической выглядит мысль о снятии с фронта и переброске в тыл русских батальонов. Хотя первоначально немцы не предполагали использовать власовские части до мая [1, с. 8]. С другой стороны и для Германии, и для коллаборантов было бы выгоднее, если бы части РОА использовали не только, как боевые единицы, но и как элемент психологической войны. Начальник медицинского отдела Главного гражданского управления КОНР Федор Богатырчук отмечал, что «наша дивизия по своей силе имела больше политическое, чем военное значение. Соответственно с последним, наши силы следовало помещать на хороших участках фронта, а не затыкать ими дыры во фронтовой линии, образовавшиеся вследствие поражения немецких частей» [3, с. 204]. Правда, на исход войны ВС КОНР повлиять вряд ли смогли бы. Думается, прав Мюллер, утверждавший, что в 1945 году «власовская армия даже при условии реализации его (Власова – А.М.) планов уже не смогла бы сыграть решающей роли в осуществлении перелома в войне, поскольку у противника имелось подавляющее превосходство», хотя, возможно, в отношении Восточного фронта, при соблюдении условий, высказанных Богатырчуком, ВС КОНР имели шансы затянуть боевые действия [12, с. 254].

Представляется, что рассмотренные трактовки событий являются частью сконструированного мифа о «третьей силе», в которой наряду с «предательством со стороны немцев», также входил миф о «чистой» коллаборации (по аналогии с «чистым» вермахтом), то есть отрицанием совершенных военных преступлений и стремлением дистанцироваться от связей с национал-социализмом.

Литература

1. Алдан, А.Г. Армия обреченных / А.Г. Алдан. – Нью-Йорк: Издательство Архив РОА, 1969. – 130 с.
2. Артемьев, В.П. Первая дивизия РОА / В.П. Артемьев. – Лондон (Онтарио): Изд-во СБОНР, 1974. – 182 с.
3. Богатырчук, Ф. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому Манифесту / Ф. Богатырчук. – Сан-Франциско: Глобус, 1978. – 336 с.
4. Делианич, А. Серега / А. Делианич // Борьба. – 1980. – Т. 77. – С. 76–82.
5. Дичбалис, С. Детство, отрочество, юность не по Льву Николаевичу Толстому. Воспоминания / С. Дичбалис. – Санкт-Петербург: Сатис, 1995. – 208 с.
6. Дробязко, С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. / С.И. Дробязко. – Москва: Эксмо, 2004. – 608 с.
7. Дудин, Л. Великий мираж / Л. Дудин. – Лондон (Онтарио): Изд-во СБОНР, 1970. – 80 с.
8. Жуков, Д. Русские эсэсовцы / Д. Жуков, И. Ковтун. – Москва: Вече, 2010. – 464 с.
9. Казанцев, А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом / А. Казанцев. – Москва: Посев, 1994. – 344 с.
10. Киселев, А. Облик генерала А. А. Власова. Записки военного священника / А. Киселев. – Нью-Йорк: Путь жизни, 1977. – 232 с.
11. Кромиади, К. За землю, за волю... / К. Кромиади. – Сан-Франциско: Глобус, 1980. – 300 с.
12. Мюллер, Р.-Д. На стороне вермахта. Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1941–1945 гг. / Р.-Д. Мюллер. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 304 с.
13. Науменко, В.Г. Великое предательство / В.Г. Науменко. – Санкт-Петербург: Нева, Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 448 с.
14. Осипов, А. Первая дивизия РОА (краткий исторический очерк) / А. Осипов // Часовой (Брюссель). – 1948. – Т. 278. – С. 8–9.
15. Плющов, Б. Генерал Мальцев: История военно-воздушных сил Русского освободительного движения в годы Второй мировой войны (1941–1945) / Б. Плющов. – Сан-Франциско: Глобус, 1982. – 116 с.
16. Старицкий, Н. К истории освободительного движения / Н. Старицкий // Доброволец. Орган внутренней связи кадров РОА (Мюнхен). – 1955. – Т. 25. – С. 6–8.
17. Стеенберг, С. Власов / С. Стеенберг. – Мельбурн: Русский дом в Мельбурне, 1974. – 254 с.
18. Хоффманн, Й. История власовской армии / Й. Хоффманн. – Париж: YMCA-Press, 1990. – 382 с.
19. Шагов, М. Предисловие / М. Шагов // Осокин В. Андрей Андреевич Власов. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1966. – 38 с.
20. Bundesarchiv. – NS. 19/3823.
21. Fisher, G. Soviet Opposition to Stalin / G. Fisher. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1952. – 230 p.
22. Institut für Zeitgeschichte. – ZS 85/3